

Хогвартс-экспресс наматывал километры на свои стальные колеса. Ученики, в радостном ожидании каникул, даже не особенно шалили, чинно рассевшись по купе. И только отдельные личности торопились выяснить недовыясненные за учебный год отношения, и перемещались туда и сюда по поезду, затеявая стычки.

Разумеется, в этом процессе не мог не поучаствовать и Рональд Биллиус Уизли. Вначале он вдрызг разругался со старшекурсником Слизерина, получив «на память» изрядный фонарь под глаз, поскольку слизеринец-полукровка, при внешней щуплости, оказался не чужд простонародному развлечению «размахнись рука, раззудись плечо». Потом шестой Уизли, сияя оным украшением, кинулся к близнецам за помощью и защитой, но был высмеян, поскольку Фред и Джордж сами наблюдали за развитием процесса, правда, из дальнего конца вагона, и признали, что их братец в данном случае был категорически не прав. Помощь и поддержку Рон нашел в лице Лаванды Браун... но не тащить девочку на повторную разборку у него ума все-таки хватило. Так что, устроившись в соседнем купе (и «игры» Кай в этом «совершенно свободном выборе» практически совсем не причем, как и иллюзия, которой мы запечатали двери нашего купе, чтобы не доставали), парочка некоторое время потратила на обсуждение общей несправедливости жизни. Рон рассказывал, как противный слизеринец собирался проклясть и всячески избить кого-то из малышей Гриффиндора. С какого потолка Ронкинс взял эти намерения, учитывая, что с ментальной магией у «альтернативной команды героев», исключая Рубинов, всегда было худо — мне было совершенно непонятно. Но лезть в защитные построения, навороченные на эту рыжую голову Снейпом, и искореженные на свой вкус Дамблдором по такому мелкому поводу — мне как-то неохота. Так что, некоторое время повосторгавшись буйством фантазии одного особо рыжего, мы с Миа наложили на наше купе звукоизолирующее заклинание, оставив разве что несколько сигналок, которые отреагируют на произнесение имен кого-то из Внутреннего круга, либо же нескольких ключевых слов, и вернулись к обсуждению того, что рассказали мне Риддл и Дамблдор.

— Так, значит, «работали вместе, а результат решили хапнуть себе», — протянула Дафна, поудобнее устраиваясь на коленях у Видящей.

— «Мы же добрые, нам можно», — подхватила Падме. — Любопытная логика.

— Счастье для всех, даром, и чтобы никто не ушел обиженным», — Драко продолжил внимательно изучать подсовываемую ему литературу, и тут же нашел в своих воспоминаниях подходящую цитату.

— Ну, — покачал я головой, — в хорошем случае это была бы просто инверсия.

— Инверсия? — заинтересовалась Луна.

— Это вроде как бы на нашем месте на вершине оказались бы Уизли, — Драко слегка скривился от такой перспективы, а вот Джинни заинтересовалась... Впрочем, весьма отстраненно, — а мы, Малфои, подкапывались бы под существующий порядок... Впрочем, думаю, полного совпадения бы не было. Хотя... Кто знает?

— Кто знает... — поддержал я вассала. — Но, боюсь, все серьезно хуже, и те, кто прервал ритуал, пытаясь завладеть его результатами — действительно были идеалисты и альтруисты.

— Боишься? — удивилась Джинни.

— Да, — кивнул я, находя успокоение в поглаживающей мои плечи руке Миа. Перед глазами

плескалось в мертвые берега алое море. — Потому как результаты были бы совершенно непредсказуемы.

— Оставим это, — прервала философские размышления о природе людей Миа. — Драко, лучше скажи: ты все еще читаешь дневники своего предка?

— Уже большей частью прочитал, — кивнул наш бриллиантовый принц.

— Тогда объясни мне, пожалуйста: с чего это Годрик Гриффиндор был таким уж сторонником равноправия? Особенно, если учесть время, в которое жили Основатели: как раз конец Темных веков, феодальная система еще только формируется, но ответ на вопрос «являются ли крестьяне людьми» — еще отнюдь не представляется очевидным. И тут появляется фанатичный сторонник всеобщего равенства, готовый подраться с побратимом ради каких-то там магглорожденных...

— Нет-нет-нет, — покачал головой Драко, уплотняя руку, обвивающую талию Дафны, и смещая ее вниз при полнейшем попустительстве девушки. — Жаждой равноправия Годрик Гриффиндор отнюдь не страдал. Просто он искренне и страстно ненавидел всех магглов скопом, и ему была ненавистна сама мысль, что какой-то волшебник может оказаться под властью маггла. А ведь власть семьи в те времена была более чем нешуточной. И Годрик требовал обязательно забирать каждого магглорожденного из семьи. В те времена о таком понятии как «каникулы» еще не задумывались. (Или «уже» не задумывались: Рим был позабыт, до Возрождения Античности оставалось еще не меньше трех веков). Так что магглов, которых забирали в Хогвартс из семьи, могли увидеть родителей разве что по окончании обучения.

— Но ведь он настаивал на одинаковом обучении для потомственных волшебников и магглорожденных, — вскинула голову Джинни, которой не нравилось такое вот разрушение авторитетов.

— На одинаковом, — с горькой усмешкой кивнула Миа, поудобнее устраиваясь у меня на коленях. — И толку? В те времена еще не было распространено «оставим ребенку детство». Маги начинали тренировать своих детей с четырех-пяти лет. И к одиннадцати годам, к моменту поступления в Хогвартс — это уже были сильные, знающие волшебники. А магглорожденные — в том же возрасте приходили, не зная и не умея ничего. Вот и подумай: по ходу обучения эта разница уменьшалась? Или только росла? При одинаковом-то преподавании? Вот и получалось, что по окончании Хогвартса чистокровные маги — становились настоящими, сильными волшебниками, а магглорожденные — в лучшем случае недоучками, которых натаскивали как следует на пару-тройку заклинаний, не объясняя сути и смысла заклинаний и ритуалов. Такое вот «всеобщее равенство».

— Вот-вот, — поддержал Драко. — А Салазар считал, что если что-то делаешь, то это надо делать хорошо. Отсюда и идея предварительной подготовки, которая помогла бы подравнять магглорожденных и чистокровных...

— Которую Годрик не понял, — кивнула Миа.

— Не понял... Или — не захотел понять, — вздохнул Драко. — Есть в дневнике предка и намеки, позволяющие понять ситуацию именно таким образом.

— «Поттер», — донесла до нас с Миа сигналка, и заглушающее заклинание «совершенно случайно» разрушилось, позволяя нам услышать происходящее в купе Рона... и его пассий.

— Думаешь? — это однозначно голос Лаванды.

— Конечно, — вздохнула Марта. — Боюсь, все завязано именно на него.

— Да что он может, этот Поттер? — буркнул Рон. — На первом курсе именно мы прошли весь лабиринт... но эти предательницы сдали путь Поттеру — и вот он «главный герой», «победитель»... а над нами только посмеялись. На втором курсе за него все сделали демоны... — внутренним взором я ясно увидел, как Рон скривился... впрочем, мой Внутренний круг видел это ничуть не менее ясно, а вот Янтаринке такое пока что не по умениям. Впрочем, это будет поддаваться перемене. — На третьем — просто пришел и посидел в Визжащей хижине... да еще и чуть было не заключил союз с этой сумасшедшей... — Марта прижалась к своему герою, вызвав недовольный зырк со стороны Лаванды... Впрочем, последняя тут же последовала ее примеру, только с другой стороны. — А этот год? Отобрал у Грейнджер право участвовать в Турнире... а она и рада. Дура. А он еще и Тому-кого-нельзя-называть возродиться помог!

— Ах, он... — Джинни вскочила, и рванулась к двери... впрочем, снимать блокировку с выхода никто не собирался.

Я посмотрел на Миа... Она переплела пальцы рук, и, подняв получившуюся конструкцию на уровень лица, посмотрела на меня тяжелым взглядом. Признаться, я слегка вздрогнул. Мой былой сюзерен частенько использовал этот жест. Лишь много позже я выяснил, от кого он его унаследовал... и что в оригинальном исполнении сейчас полагалось сверкнуть стеклами очков. Но Миа, как и мой сюзерен, великолепно обходились и без этого. Я улыбнулся.

— Оставь, Джинни, — бросил я рыжей.

— Но он же... — Янтаринка задыхнулась, пытаясь описать, что думает о своем братце.

— Пусть распушает хвост перед девочками, — покачал я головой. — Пока ему не придет в голову вредить кому-нибудь из присутствующих здесь — мне нет до него дела.

Признаться, я слегка лукавил. Попытки забрать у меня Миа, проклятого Полога — я ему никогда не прощу. Но я обещал себе дать ему шанс — и он этот шанс получит. Пусть Кай играет его судьбой, как хочет. Кажется, это доставляет ей изрядное удовольствие. А если Рон перейдет черту... Что ж. Виноват он будет только сам.

Оставив Шестого предаваться зависти и флирту, я стал прикидывать планы на лето... и Сага о Рональде Великолепном отлично оттеняла этот приятный процесс. Хогвартс-экспресс нес нас к Лондону... навстречу новым приключениям.

<http://tl.rulate.ru/book/69519/1850622>